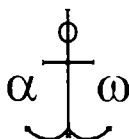

ЖИВОЕ ПРЕДАНИЕ

Православие в современности

Москва
1997

*По благословению Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Алексия II*

Живое предание. Православие в современности. — М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1997. 228 с.

© Текст YMCA-PRESS, 1937

© Свято-Филаретовская московская высшая
православно-христианская школа, 1997

ISBN 5-89100-011-3

Предисловие	5
<i>Прот. Сергей Булгаков. Догмат и догматика</i>	<i>8</i>
<i>А. Карташев. Свобода научно-богословских исследований и церковный авторитет</i>	<i>26</i>
<i>И. Лаговский. Возвращение в отчий дом</i>	<i>46</i>
<i>В. В. Зеньковский. Проблема космоса в христианстве</i>	<i>71</i>
<i>Н. Н. Афанасьев. Неизменное и временное в церковных канонах</i>	<i>92</i>
<i>Владимир Ильин. О творчестве</i>	<i>110</i>
<i>Г. Федотов. Древо на камне</i>	<i>125</i>
<i>Л. Зандер. “И согласно славим всесвятого Духа”</i>	<i>136</i>
<i>Архимандрит Киприан. Левитство и пророчество как типы пастырствования</i>	<i>159</i>
<i>Архимандрит Кассиан. Церковное предание и Новозаветная наука</i>	<i>174</i>
<i>Б. Сове. Евхаристия в древней Церкви и современная практика</i>	<i>194</i>
Об авторах	223

Сборник “Живое Предание”, со статьями выдающихся русских богословов, “в изгнании сущих”, был издан в Париже в 1937 году.

Сейчас, более чем через полвека, он печатается в России, преодолевающей последствия “вавилонского плена” безбожия, а значит — бездуховности и бескультурности. Вновь начинают звучать ранее запретные темы, — запретные уже потому, что они выходили за рамки пресловутых “кадила и кропила”, будили мысль, требовали углубления в православную веру и утверждения в православной жизни.

Переиздание Свято-Филаретовской школой настоящего сборника предполагает не только знакомство с выдающимися текстами, давно ставшими библиографической редкостью (тираж парижского издания был весьма незначителен). Проблемы, поднятые авторами сборника, требуют продолжить их изучение, и главное для нас — развить предложенную тематику применительно к нашей постсоветской, но не постхристианской эпохе. Издатели надеются, что этой цели послужит и организованная Свято-Филаретовской школой конференция “Живое Предание” (Москва, октябрь 1997 г.), получившая, как и переиздание сборника, благословение Святейшего Патриарха.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Живое предание, — таково знамя, под которым выступает здесь группа русских православных богословов, ощутивших потребность соединиться в этом сборнике для того, чтобы сообща, каждый в своей области, выразить одно общее устремление. Все они чувствуют потребность пред лицом Церкви сказать, как понимается и осуществляется ими *верность преданию церковному*, которое является для них незыблемым камнем исповедания веры. В этом также выражается потребность осознать свой общий путь в церковном служении, установить основные принципы того богословского мировоззрения, которое проявляется в методологии и проблематике в разных областях богословского труда и исследованиях. Согласно заданию сборника, отдельные статьи составлены кратко и по возможности доступно, но принадлежат перу ответственных работников в области православного богословия, которые чувствуют долг и потребность в настоящий час свидетельствовать о своем богословском “уповании”, каждый на своем собственном языке и по близкому для него вопросу. При этом приходится касаться и таких вопросов, по которым до сих пор не существует сложившегося мнения, как, например, о христианской культуре, творчестве и строительстве и т.п. В таких случаях находят для себя выражение только личные мнения отдельных авторов.

Учение Церкви содержится в *предании*, понимаемом в широком смысле, т. е. со включением всего писанного Слова Божия, Св. Библии, а далее и всей богодохновенной жизни Церкви. Предание есть все, чему Церковь учит и чем она живет, самая жизнь Церкви, которая познается и раскрывается в многообразных ее гранях. Быть верным преданию и значит жить в Церкви. Поэтому для каждого христианина — для богослова и небогослова одинаково — имеет силу самоочевидности заповедь, выраженная апостолом: “Итак, братия, *стойте и держите предание*” (2 Фес. 2, 15). Но в исполнении этой заповеди пред каждым отдельным христианином, как и пред всякой исторической эпохой, возникает вопрос, *что* для них значит *держать* предание, и *как* его держать? Руководящая мысль для ответа на этот вопрос дана в других словах того же апостола: Бог “дал нам

способность быть служителями Нового Завета, *не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит*" (2 Кор. 3, 6). "Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода. Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на Славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа" (там же, 17-18). Предание не есть "каменная скрижаль" или "смертоносные буквы, начертанные на камнях", "но плотные скрижали сердца" (там же, 3, 7.). Оно есть живое *и в нас*, с нами и нами живущее предание. Его нельзя заключить в непроницаемый сосуд для хранения, как это представляется нужным некоторым его ревнителям, ибо оно действует в нас, как закваска вечности, квасящая тесто времени, "доколе не вкисло все" (Мф. 13, 33). Поэтому и известная максима Викентия Лиринского в *Commonitorium*, свидетельствующая как будто о неподвижной неизменности предания: *quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est*,* может быть применена не в отношении к наличному содержанию предания во все времена (что явно противоречило бы истории разных догматических эпох), но лишь к живущему в нем духу: *omnia fere universaliter comprehendit*.** Охранительство в богословии, притязающее на блюдение *depositum fidei**** в неизменности, на самом деле является не консерватизмом, но чрезвычайно активным движением, однако, не вместе со временем, но против него. Оно не замечает, что каждая эпоха имеет свой собственный стиль, и потому для каждой эпохи является неизбежной самостоятельная транспозиция или перевод на свой язык, активное *держанье* предания. И поэтому стремление к хранению истины во гробе с кустодиею является "суетным и ложным", и, самое главное, не является вовсе хранением, но умерщвлением предания. Неподвижность богословской мысли, поскольку она не есть просто ее лень, является утопией, ибо то, что жизненно и современно для одной эпохи, становится анахронизмом или лицемерием для другой, фактически есть особый вид дурного модернизма навыворот. В принятии предания необходима искренность и не должно быть места стилизации, которая вообще есть худший вид обмана и самообмана. Церковь есть организм богочеловеческий, в котором полнота и неизменность божественной истины раскрывается в че-

* во что верили всегда, все и повсюду (лат.)

** (который) обвиняет почти все целиком (лат.)

*** хранилище веры (лат.)

ловеческой истории со всей ограниченностью и относительностью каждой из ее эпох. Предание раскрывается в истории, оно как бы переводится на язык разных ее эпох, и каждая из них, приемлющая его активно, хранит его творчески, ибо предание есть столько же факт, сколько и акт, столько же статика, сколько и динамика. Поэтому в уразумении предания в богословии всегда должно быть дано место исследованию и проверке, — не самого предания, но нашего его разумения. Не сказано ли об апостолах: “тогда отверз им (Иисус) ум к уразумению Писаний” (Мк. 24, 25), и еще: “слухом услышите и не уразумеете, и глазами смотреть будете и не увидите” (Ис. 6, 9; Мф. 13, 14; Мк. 4, 12; Лк. 8, 10)? Поэтому и в жизни, и в мысли предания различимы: внутреннее и внешнее, безусловное и исторически относительное. Это не есть релятивизм, который именно абсолютизирует относительное, не различая в нем вечное от исторически условного. Конечно, это различие есть трудная и ответственная, но совершенно неустраняемая задача богословия. Мало того. Предание не только хранится, но и творится, ибо живет. Каждая эпоха имеет свой характер, будучи поставлена пред своими нуждами, и в своей особой проблематике таит свое собственное постижение Откровения, ищет для него церковного осознания и оправдания, в такой же мере, как и осуждения, ибо христианскому сознанию свойственно не просто склоняться пред фактом, но вопрошать об его смысле и ценности, искать правого жизненного пути. И в смелости и искренности богословской мысли, которая ищет этого правого пути при свете веры, проявляется особая, творческая *верность* преданию. Эту-то верность живому и в нас живущему преданию приносят Церкви участники этого сборника, как дар любви, правдивости и свободы чад Божиих в смирении пред единой и неведомой человеку Истиной, но и в сознании всей ответственности ее искания.

